

На правах рукописи

КНЫШ Евгений Викторович

**ХРИСТИАНСКИЕ ПРАКТИКИ СОБОРНОСТИ
В ПОСТСЕКУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЕ**

**24.00.01 – Теория и история культуры
(философские науки)**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Екатеринбург
2018

Работа выполнена в АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

Научный руководитель: **Брандт Галина Андреевна**
доктор философских наук, доцент

Официальные оппоненты: **Зайцев Павел Леонидович**
доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», декан факультета теологии, философии и мировых культур

Семенюк Антон Павлович
доктор философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, профессор кафедры философии с курсами культурологии, биоэтики и отечественной истории

Ведущая организация: **ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»**

Защита диссертации состоится 13 февраля 2019 г. в 11-00 часов на заседании диссертационного совета Д.212.274.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (625003, Тюмень, ул. Республики, д. 9, ауд. 211).

С диссертацией можно ознакомиться в Информационно-библиотечном центре ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» и на сайте ТюмГУ: <https://diss.utmn.ru/sovet/diss-sovet-212-274-02/zashchita/>

Автореферат разослан 11 декабря 2018 г.

*Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент*

А. И. Павловский

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

Религиозные ценности всегда играли важную роль в функционировании культуры. Так, для европейской цивилизации до эпохи Просвещения религия была одним из основных регулятивов социокультурного развития. И даже при попытке «очищения» культуры от всего сакрального «уход» религии на периферию жизни общества сам по себе стал мощным феноменом, определяющим особенности культуры Просвещения: трансформации этого периода и дальнейшие поиски смыслов в искусстве, гуманитаристике, повседневной жизни людей невозможно анализировать вне связи с религиозными ценностями. Обращение к ним особенно актуализируется в последние десятилетия, когда наблюдается возросший интерес, как в Европе, так и в России к религиозным процессам, сообществам, философско-религиозным учениям. Новые возможности и вызовы традиционной церкви, ее попытки определить свое место в структуре государственных и общественных отношений, собственно личная религиозность индивидуумов, интерес к различным религиозным практикам, активный поиск современниками духовно-нравственных ориентиров, своей культурно-исторической, религиозной идентичности, способов включенного участия в христианских практиках, вопросы отношения к православной культуре обусловили актуальность данного исследования. Социальная актуальность исследования христианских практик соборности в постсекулярной культуре связана также с тем, что в последние годы в России накапливаются противоречия во взаимоотношениях церкви и общества. Церковные стратегии взаимодействия с государством и обществом, как в вопросе сохранения культурного наследия, так и относительно тех смыслов, к которым обращается современное искусство, зачастую расходятся с ожиданиями части социума. Это выражается в негативной реакции на различные инициативы церкви и события, связанные с ней. Поэтому актуализируются задачи характеристики религиозных запросов, смыслов, которые вкладываются в образ церкви, а также философско-культурологического описания сущности христианских практик и тех явлений церковной жизни, которые соответствуют специфическим духовным потребностям в современном культурном контексте. Философско-культурологическое рассмотрение христианских практик актуализируется также в связи с ростом напряженности в отношении различных религиозных сообществ, а также экстремистскими проявлениями религиозности.

Теоретическая проблематизация темы обусловлена потребностью в новом для философии способе описания социокультурной действительности по отношению к традиционной религии, религиозности, христианским (церковным) практикам. Прежде прочные представления о необратимом

развитии рационализма, секуляризации были подвергнуты сомнению, а нового общепринятого понятия, схватывающего современность, на сегодняшний день еще не выработано. Религия возвращается к активному участию в публичном пространстве и, более того, зачастую становится предметом дополнительного внимания. Социокультурные проявления религиозности стали более активными (иногда агрессивными) и крайне многообразными по форме, интенсивности, регулярности, количеству участников и т.д., чем хотя бы полвека назад. При этом относительно традиционного религиозного института – церкви, квинтэссенции христианского сообщества, сохраняется теоретическая неопределенность. Ее сущность двойственна, что необходимо учитывать при философско-культурологическом рассмотрении христианских практик. Одним из фундирующих начал этих практик является соборность. Однако это понятие в отечественной философии до сих пор остается расплывчатым, его эвристические возможности не используются в полной мере, особенно при рассмотрении конкретных религиозных явлений. Философско-культурологический анализ прошлых и современных проявлений христианской религиозности в контексте формирующейся постсекулярной культуры имеет, на наш взгляд, важное историко-культурологическое и теоретико-методологическое значение.

Степень разработанности темы исследования.

В нашем исследовании мы опираемся на понимание культуры как «специфически общественного способа жизнедеятельности и саморазвития человека» (В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзон), встречающееся в работах Л.А. Закса, М.С. Кагана, В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзона, Э.С. Маркаряна, и др. При таком подходе религиозное освоение мира человеком – неотъемлемая составляющая духовной культуры социума. Стремление к гармонизации своего существования, приобщению к Божественному Абсолюту, согласование жизни с высшими нравственными законами, своего предназначения – с неким Высшим замыслом о человеке и т.п. образуют комплекс религиозных регулятивов, которыми руководствуется человек в своей жизненной практике и которые становятся особенно актуальными для философского осмысления в новом типе современной культуры – постсекулярном.

Для определения понятия постсекулярной культуры прослеживается его становление через развитие понятий секулярного и секуляризации, а также рассматриваются теоретические вопросы существования досекулярного общества, изучавшиеся в трудах таких отечественных исследователей, как: Т.И. Борко, Д.М. Гзгзян, А.Я. Гуревич, Т.П. Минченко, И.Ф. Рязанова и многих других.

Поскольку обращение к такому сложному явлению, как секуляризация, требует разностороннего рассмотрения, необходимо учитывать позиции не только таких известных зарубежных авторов, как: Р. Белла, П. Бергер,

М. Вебер, Г. Спенсер, К. Доббелер, Э. Дюркгейм, Э. Зверде, Х. Казанова, О. Конт, Т. Лукман, К. Маркс, Т. Парсонс, Р. Старк, А. Тойнби, но и отечественных специалистов, внесших свой вклад в осмысление проблемы места религии в жизни социума: М.М. Акулич, О.А. Богданова, В.И. Гараджа, С.З. Гончаров, В.А. Гура, А.М. Капалин, Н.С. Капустин, Ю.А. Левада, Р.А. Лопаткин, М.П. Мчедлов, А.А. Панченко, Д.В. Пивоваров, Ю.Ю. Синелина, Э.Ю. Соловьев, Т.А. Щипкова. При этом единства в понимании текущих трансформаций во взаимоотношениях общества и религии в философско-культурологической науке на сегодня нет.

П. Бергер, Х. Казанова, М. Кинг, Дж. Милбанк, Дж. Ролз, Р. Старк, Ч. Тейлор, Р. Финке, Ю. Хабермас и др. подчеркивали несостоявшуюся верификацию идей секуляризма и постсекулярность европейской действительности. Иной подход мы встречаем у таких авторов, как: П. Бьюкенен, К. Доббелер, Ф. Фукуяма, которые отмечали, что процесс секуляризации продолжается, пусть и в несколько измененном виде. У ряда авторов при анализе современной религиозной ситуации не используется понятие постсекулярной культуры – Н. Аммерман, У. Бек, Р. Белла, Э. Гидденс, Г. Дейви, Т. Лукман, Т. Парсонс, Р. Уатнау, Ч. Тейлор, Д. Эрвье-Леже – однако в работах этих мыслителей прослеживается идея, соответствующая постсекулярной философии: подхода к секуляризации как трансформации институциональной религиозности в личностную, индивидуальную, персональную. Часть из этих исследователей всерьез рассматривала в качестве пути преодоления кризисных явлений в современной культуре возвращение религиозных идеалов.

Кроме того, в работах таких исследователей, как: Р. Аккер, Т. Вермюлен, Л.А. Закс, Э. Левинас, Л. Тернер, М.Н. Эпштейн и др. прослеживается взаимосвязь постсекулярности, пост- и метамодеิร์นизма.

В русскоязычной литературе постсекулярность осмысливается в работах таких философов и религиоведов, как: Д.К. Богатырев, И.С. Вевюрко, Е.И. Гришаева, П.Л. Зайцев, А.И. Кырлежев, Т.П. Минченко, А.О. Морозов, И.Н. Морозова, А.А. Радугин, Е.А. Степанова, Б. Тернер, Г.Л. Тульчинский, Д.А. Узланер, О.М. Фархитдинова, Д.А. Цыплаков, К. Штекль, С.С. Хоружий и др.

Имеющиеся в теоретическом дискурсе конструкты, в основном, связывают постсекулярность с экономическими, социально-политическими проявлениями, а также эклектичными формами религиозности. Непосредственно само понятие постсекулярной культуры впервые фигурирует в работах А. Зондервана, Дж. Макклора, И. Нобел, А. Портерфилда, а в русскоязычных публикациях представлено в трудах К.В. Пашкова, Е.В. Щетининой. Таким образом, осмыслению этого понятия в научной литературе уделено еще мало внимания.

Для изучения возможностей церкви реагировать на постсекулярные вызовы рассматриваются трансформации христианских практик. Это потребовало обращения к трудам по философии религии и истории церкви А.Г. Амана, В.В. Антонова, А.И. Бриллиантова, А.А. Васильева, Э. Гиббона, А.Б. Зубова, А.В. Карташева, Д.Н. Майорова, А.А. Папкина, Р.В. Светлова, Н. Скроботова, С.И. Смирнова, Г.П. Федотова. Также в нашем исследовании используются работы религиозных мыслителей, таких как: свящ. Н. Афанасьев, Н.А. Бердяев, Д. Бонхеффер, свящ. С. Мечев, М. Скобцова, свящ. В. Свенцицкий, свящ. А. Шмеман и некоторых других, содержащие, в том числе, важные наблюдения о сущности, достоинствах и недостатках церковных практик в исторической ретроспективе. Отдельно стоит выделить авторский курс «Христианство в истории» Д.М. Гззяна, содержащий современное целостное философско-теоретическое осмысление всей христианской церковной истории. Несмотря на кажущуюся изученность вопроса, общего анализа развития и современного состояния христианских практик через призму их двойственной сущности (направленности либо к земному, либо к божественному) в теоретическом дискурсе нет.

Рассмотрение трансформаций христианских практик актуализирует обращение к концепту соборности. При выявлении сущностных черт соборности необходимо учесть идеи таких учителей церкви, как: Игнатий Богоносец, Кирилл Иерусалимский, Климент Александрийский, Блаженный Феодорит, труды религиозных философов конца XIX – начала XX века, по сути, оформившим понятие соборности, таким как: К.С. Аксаков, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Вл.Н. Лосский, Н.О. Лосский, Вл.С. Соловьев, П.А. Флоренский, Г.В. Флоровский, А.С. Хомяков, Д.А. Хомяков, а также работы современных философов, занимавшихся, как осмыслением непосредственно соборности, так и важных для ее раскрытия духовных концепций русской религиозной философии конца XIX – начала XX века, таким как: А.Л. Анисин, В.К. Киреев, А.Н. Лазарева, А.П. Семенов, С.С. Хоружий, С.В. Чугунов, Л.Е. Шапошников. Также в контексте изучения соборности мы рассматриваем труды современных богословов: архим. Киприана (Керна), свящ. И. Мейендорфа, Н.А. Струве, С.И. Фуделя, свящ. А. Шмемана, свящ. Ф. Хопко. Помимо этого мы обращаемся к некоторым мыслителям, чьи идеи хоть и не связаны напрямую с концептом соборности, но позволяют раскрыть его более полно: З. Бауман, В.Г. Богомяков, М. Бубер, Л.А. Мясникова, В. Тэрнер. Хотя проблема определения сущности соборности неоднократно становилась предметом исследования, единого общепринятого подхода в философско-культурологическом знании выработано не было. На сегодняшний день не существует также философско-методологического инструментария для анализа воплощения соборности в конкретных проявлениях религиозности.

При рассмотрении воплощения соборности в основных формах православной культуры: монашества, приходов, братств – мы используем работы таких авторов, как И. Брянчанинов, священник С. Гаккель, А.Н. Дударев, С.Г. Зубанова, В.Ю. Катасонов, Н.М. Кожич, священник С. Мечев, А.А. Папков, А.И. Сидоров, священник В. Свендицкий, С.И. Смирнов, С.П. Суровягин, священник И. Флеров.

В контексте изучения постсекулярной культуры отдельный интерес для нас представляет описание христианских практик Преображенского содружества малых православных братств, которое присутствует в работах А.С. Агаджаняна, Г.А. Брандт, Д.М. Гзгзяна, священник Г. Кочеткова, О.А. Седаковой, С.Б. Филатова. Для выявления способов воплощения соборности в этом сообществе мы также активно используем внутренние источники, опубликованные самим братством, такие как: материалы «соборов», научных конференций, журнала и газеты, брошюр, посвященных различным аспектам общинной жизни.

В связи с этим **объектом нашего исследования** стали христианские (церковные) практики как социокультурный феномен, а **предметом исследования** – воплощение соборности в российских христианских (церковных) практиках постсекулярной культуры.

Это обусловило выбор цели и задач исследования.

Целью исследования является выявление способов воплощения соборности в разных формах организации российских христианских (церковных) практик постсекулярной культуры.

Для осуществления обозначенной цели в рамках исследования решаются следующие **задачи**:

- Выявить генезис и определить содержание понятия постсекулярной культуры;
- Выделить основные типы христианских (церковных) практик, их основные исторические трансформации и современное состояние;
- Определить границы понятия соборности, выявить существенные черты феномена соборности и разработать критерии для анализа данного феномена в различных христианских (церковных) практиках;
- Выявить, каким образом феномен соборности воплощается, как в исторических, так и в современных формах организации христианских (церковных) практик.

Научная новизна.

1. В отличие от доминирующего в гуманитарном знании социально-философского подхода к постсекулярности этот концепт был определен через понятие постсекулярной культуры на основе философско-культурологического осмысления религиозности (ее личностного характера, влияния интеллектуального климата пост- и метамодернизма);

2. Выявлены и впервые в теоретическом дискурсе проанализированы экстенсивные и интенсивные типы христианских (церковных) практик, определены их культурно-исторические трансформации и современное состояние;

3. В отличие от многих работ на тему соборности границы этого понятия были определены исключительно в пределах ортодоксального православного учения, были выявлены четыре существенные черты феномена соборности, показана неочевидная для современного гуманитарного знания актуальность изучения этого феномена и впервые разработаны критерии для выявления способов воплощения соборности в различных христианских практиках;

4. Впервые были выявлены способы воплощения феномена соборности в различных исторических и современных формах организации христианских (церковных) практик, в том числе в опыте Преображенского содружества малых православных братств как одного из наиболее репрезентативных христианских (церковных) сообществ.

Теоретическая значимость работы выражена в дефиниции понятия постсекулярной культуры и его применении для анализа современных тенденций в сфере взаимоотношений общества и религии. Разделение христианских практик на экстенсивные и интенсивные позволяет лучше выявлять тенденции, противоречия и продуктивные пути развития в этой сфере. Разработанная нами система критериев соборности позволяет анализировать различные христианские практики (сообщества), соотнося их с базовым христианским принципом.

Практическая значимость исследования заключается в разработке конкретного инструментария для анализа практик жизни реальных религиозных сообществ, что актуально при разработке, как социокультурных и государственных стратегий в области религии, так и собственно церковных. Материалы и результаты исследования важны для понимания современных постсекулярных тенденций, особенностей православной культуры и могут применяться в учебно-практических курсах по философии, философии религии, культурологии, религиоведению, различным аспектам современности, для разработки соответствующей учебно-методической литературы.

Методология исследования.

Философско-культурологическая методология является для исследования базовой системой координат в отношении определения культурной значимости религии, ее ценностно-смыслового потенциала как такового. Она же задает исследовательскую оптику теоретического определения постсекулярной культуры, которое потребовало также обращения и к **историко-культурному** методу, поскольку его становление невозможно рассмотреть без анализа исторического контекста, породившего дина-

мику понятий «досекулярное- секулярное-постсекулярное». Данный метод необходим и при анализе становления христианских (церковных) практик, определения их специфики в современной действительности. Для выявления типов и описания сущности этих практик мы используем **философско-типологический метод**.

При анализе соборности мы обращались к **системному методу**, поскольку нашей задачей было определение ее сущности и границ. А также к **структурно-функциональному** как самому эффективному инструменту структурирования феномена, выявления его функций, уровней, критериев анализа.

При исследовании конкретных форм организации христианских (церковных) практик и опыта жизни Преображенского содружества малых православных братств мы использовали сформулированный нами критериальный аппарат как инструментарий для выявления способов воплощения соборности. Также это потребовало обращения к различным методам: от **системно-функционального** до **включенного наблюдения, проведения референтных интервью**, представленных в работе в **культурно-антропологическом** ключе.

Положения, выносимые на защиту:

I. Для философско-теоретического осмысления роста значимости религии в жизни российского общества необходимо учитывать опыт длительной секуляризации и ее постепенного преодоления в европейской культуре. Концепт секуляризации, активное развертывание которого в европейских странах начинается в культуре Просвещения, был во многом реакцией на всеобъемлющее присутствие религии в жизни общества, ее претензию на регулятивную и нормативную роли в различных сферах, таких как государственная политика, образование, наука, искусство, семейная и частная жизнь и т.д. Современные европейские социокультурные тенденции, в свою очередь, компенсируют крайности секуляризации в период Просвещения. При этом сегодня единого подхода к описанию этих тенденций в философско-культурологическом знании нет. Однако все больше признания получают концепты постсекулярности, постсекулярного общества и даже постсекулярной эпохи.

Несмотря на сложную социальную обстановку, межэтническое и межрелигиозное напряжение, главные процессы в европейской культуре происходят на личностном уровне. Наиболее важными становятся потребности в глубоких смысловых опорах, в духовной «вертикали» и на первый план выходит культурная составляющая процесса. В отличие от существующих научных исследований на эту тему, чаще всего, использующих социально-философский подход, мы рассматриваем постсекулярные тенденции с философско-культурологической точки зрения. Таким образом, обосновывается, что при осмыслении современности уместнее применять понятие

постсекулярной культуры, рассматриваемой нами как *форма культуры, в которой происходит переопределение отношения к христианству, роли и месту церкви в жизни людей, затрагивающее, прежде всего, внутриличностные процессы поиска человеком смыслов, духовно-нравственных ориентиров, как формально-символической, культово-обрядовой, так и «глубокой», подлинной веры.*

II. Несмотря на очевидность (на уровне общего представления) того факта, что христианские (церковные) практики могут быть как глубокими, личностными, так и внешними, формальными, теоретического осмысления с использованием философско-типологического подхода ранее не осуществлялось. Понимая под христианскими (церковными) практиками *совокупность действий, ритуалов, норм, способов коммуникаций, демонстрационных жестов, характерных для институционального или ценностно-идеального контекста конкретной христианской церкви и ее адептов*, мы выделяем два типа практик: экстенсивный (церковь как большая институция и корпорация) и интенсивный (церковь как «малое стадо» подлинно верующих, меняющая внутренний мир человека).

Экстенсивные христианские (церковные) практики превалируют в истории христианства. Меняя приоритеты в аутентичном учении, они не реализуют его главные задачи, однако успешно проявляются на макроуровне. Именно этот тип практик дал мощный толчок становлению христианской культуры, как в Европе, так и на Руси, и сформировал, по сути, христианскую цивилизацию.

В постсекулярной культуре обнаруживается обращение к практикам обоих типов, но к интенсивным в большей степени, ввиду личностного характера постсекулярной религиозности.

III. Одной из базовых основ христианских (церковных) практик является соборность – определенное качество совместной христианской жизни. Умозрительно оно было введено и типологизировано русскими религиозными философами конца XIX – начала XX вв. Всплески интереса к нему фиксируются в кризисные для церкви и общества времена: в богословии русской эмиграции XX века (протопр. И. Мейендорф, протопр. А. Шмеман), в отечественной философии после распада СССР, в последние десятилетия у отдельных авторов (например, А.Л. Анисин, С.С. Хоружий). Однако в силу малой продуктивности понятия на сегодня большого интереса к нему нет. Наше обращение к этому понятию вызвано необходимостью осмысления практик современной христианской жизни. Это обращение показало, что понятие соборности не абстрактно, а востребовано самой христианской жизнью.

На основании патристики, трудов русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв., а также современных богословов и философов выявлены четыре сущностные черты феномена соборности: 1) антиномия

единства и свободы членов сообщества; их 2) тесная жизненная и духовно-нравственная связь; 3) принципиальная ориентация в повседневности на евангельскую максиму; 4) Богочеловеческая природа сообщества. Обращение к существенным чертам позволяет анализировать воплощение соборности через призму критериев на шести уровнях: на *персональном* – способность к «отвержению себя»; на *коммуникативном* – наличие постоянной практики «глубоких» коммуникаций между членами; на *ценностном* – высокая степень стремления у многих участников воплощать в жизни евангельскую норму; на *энергичном* (термин С.С. Хоружего¹) – явно выраженное стремление участников иметь энергичную «связь» с Богом; на *управленческом* – антиномическая двойственность демократических и административных элементов в управлении сообществом и принятии решений; на *историко-контекстуальном* – налаженный «механизм» восприятия исторического наследия православия и христианских традиций.

IV. Основные формы российского православия – монашество, приходы, братства/сестричества – прошли длительный путь развития и содержат определенный опыт воплощения соборного качества жизни. На сегодняшний день в православной культуре основной формой являются приходы, однако в них, за редким исключением, осталось очень мало верифицируемых соборных начал. Монашество в своей имманентной оторванности от мира не может демонстрировать открыто подлинную христианскую жизнь. Но из-за разрывов в историческом развитии традиции воплощения соборности здесь во многом утеряны. Существует риск «реставрации» прежних институциональных «застывших» внешних форм. Кроме того, идентичность этого способа организации христианской жизни в современных условиях до конца не определена. Наиболее перспективной благодаря своей гибкости, открытости нуждам мира, расположенности к воплощению соборных критериев формой являются братства/сестричества, ориентированные на «обычных» мирян, желающих серьезно «погружаться» в христианскую жизнь.

В современной культуре России особенно выделяется феномен мирянского Преображенского содружества малых православных братств, являющийся одним из ярких примеров сознательного, целеустремленного, последовательного стремления к воплощению соборного качества жизни.

Степень достоверности и апробация диссертации

Достоверность результатов исследования определяется изучением массива научной и практической информации, специальных работ по теме

¹ Хоружий С.С. Идея соборности: ее православно-славянофильские истоки и ее перспективы в современном постсекулярном мире [Электронный ресурс] // Институт синергичной антропологии. URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/10/horuzhy_sobornost_2012.pdf.

диссертации, применением методов и подходов в соответствии с задачами исследования, проведением комплекса наблюдений, включения в практики жизни Преображенского братства, всестороннего анализа опыта воплощения соборности, в том числе большого числа внутренних письменных источников.

Апробация результатов диссертации отражена в научных публикациях автора: статьях и тезисах. Основные идеи, положения и результаты исследования докладывались на восьми научных конференциях, трех теоретических семинарах Гуманитарного университета. Результаты исследования опубликованы в тринадцати статьях общим объемом 9,91 п.л., из них три статьи, опубликованы в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, рекомендованных ВАК; одна статья — в журнале, включенном в перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по состоянию на 01.09.2016 г. (база AGRIS).

Структура диссертации подчинена логике изучения предмета исследования, его целям и задачам. Диссертация состоит из введения, двух глав и четырех параграфов, заключения и библиографического списка, включающего 203 наименования. Объем работы – 162 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, приводится степень ее разработанности, определяются объект и предмет исследования, цели и задачи. Указываются теоретико-методологическая основа, теоретическая и практическая значимость исследования, научная новизна, рассматривается структура работы.

Первая глава «Постсекулярная культура: христианские (церковные) практики» посвящена анализу тех изменений, которые за последние десятилетия произошли на европейском континенте в отношении религии, традиционных религиозных институтов, сообществ, христианских (церковных) практик. В современном научном дискурсе появилось понятие «постсекулярная культура». Рассматривается становление этого понятия, различные точки зрения на правомерность его использования.

Рост интереса к религиозной сфере ставит вопросы о наличии у церкви ресурсов для удовлетворения различных духовных потребностей, о соответствии традиционных христианских практик вызовам формирующейся постсекулярной культуры. Поскольку такие практики не однородны, описываются их типы.

В первом параграфе первой главы «Понятие постсекулярной культуры: генезис и смысл» рассматривается становление понятия постсекулярной культуры. Для этого мы обращаемся к историческим особенностям взаимодействия религиозных институтов и общества, в первую очередь, в Западной Европе¹, где путь развития в «координатах» «досекулярность-секулярность-постсекулярность» представлен в наиболее чистом виде по сравнению с теми регионами, которые не имели подобного опыта длительного радикального разрыва с религией. Это позволяет составить наиболее полную дефиницию рассматриваемого понятия и применять его для описания схожих социокультурных процессов в России, где генезис постсекулярности был гораздо более «извилистым».

Возникновение понятия постсекулярной культуры связано с социокультурной ситуацией конца XX – нач. XXI вв. Усилились сложности, связанные с осуществлением политики мультикультурализма: неприятие «чужими» сообществами секулярных и либеральных европейских ценностей и открытое подчеркивание своей, как правило, исламской идентичности невольно подталкивает европейцев к осмыслению собственной культурной традиции. Нами прослеживаются также причинно-следственные связи разворачивающихся процессов глобализации, атомизации общества (и как следствие характерные для современности проблемы экзистенциального одиночества человека, кризиса семьи, идентичности) с ростом личностных запросов на принадлежность к малым формам религиозности, дающие чувство причастности к Высшим смыслам, играющие роль «духовной семьи».

В работе также учитывается влияние интеллектуального климата постмодернизма, который «позволил» уйти от навязанного религии примитивной роли идеологической институции с жесткой системой требований. Благодаря этим процессам религия может стать сферой личного, глубокого переживания и понимания церковных практик.

Кроме того, можно, опираясь на свидетельства ряда исследований (Р. Аккер, Т. Вермюлен, Т. Даими, Л.А. Закс, И. Ильин, Л. Тернер, М. Эпштейн и др.), говорить о процессах постепенной смены экзистенциалов — «усталости» от размытости понятий, бесконечной иронии, потребность в подлинном, в том числе, настоящей вере, в действительных смыслах. Человек постсекулярной эпохи, освобожденный предшествующими веками секуляризации от религиозных стереотипов, сам начинает испытывать «духовную жажду» и искать «встречи» с Божественным Абсолютным,

¹ Под наименованием «Западная Европа» мы понимаем крайнюю форму обобщения неоднородных процессов, по-разному протекающих в европейских странах. Такое абстрагирование используется нами как условность, необходимая в связи с интересом, в первую очередь, к российской действительности (см. Эпштейн М. Н. Постмодерн в России. Литература и теория. М.: Издание Р. Эликина, 2000. С. 90).

в том числе, и в церкви. Этой теме посвящено немало работ современных деятелей искусства. Можно привести примеры таких значимых художественных произведений, как фильмы «Ида» П. Павликовского (премия «Оскар», 2015 г.), «Молодой папа» П. Соррентино (номинация на премию «Золотой глобус» за лучшую мужскую роль, 2018 г.), «Спасение» (премия «Кинотавр» за лучшую женскую роль, 2015 г.) И. Варьпаева и другие. Их содержание, знаки и смыслы, сообщаемые зрителю, в данном контексте также анализируются в работе.

Поскольку единого научного взгляда на понятие постсекулярной культуры на сегодня нет, в работе приводятся различия в понимании постсекулярных тенденций разными группами ученых. Характерные черты постсекулярной культуры выявляются на разных уровнях: индивида, социума, отдельно церкви, государства. *Под постсекулярной культурой мы понимаем такую форму культуры, в которой происходит переопределение отношения к христианству, роли и месту церкви в жизни людей, затрагивающее, прежде всего, внутриличностные процессы поиска человеком смыслов, духовно-нравственных ориентиров, как формально-символической, культово-обрядовой, так и «глубокой», подлинной веры.*

Россия, начиная с XVII в. пережила несколько волн секуляризации, последняя из которых закончилась в 1980-е годы. Востребованность практики крещения, идентификация себя с православием как религией и шире с православной культурой носили в основном поверхностный характер. По социологическим данным большинство устойчиво поддерживает постсекулярные тенденции (один из показателей – 57% по данным 2016 г.¹). Но есть и немногочисленные, но устойчивые «отклонения» во мнениях: одна группа поддерживает реконструкцию дореволюционного статус-кво во взаимоотношениях религии и государства, другая, наоборот, дальнейшую секуляризацию, носящую «догоняющую» Запад характер.

Данный параграф заканчивается констатацией того факта, что в российском обществе у церкви появились новые возможности. Однако остается невыясненным состояние христианских церковных практик на сегодняшний день, то, какое место в «ландшафте» формирующейся постсекулярной культуры «займут» их разные «формы». Поэтому встает задача соотнесения разных типов церковных практик с постсекулярной действи-

¹ В качестве маркера поддержки традиционной религии в российском обществе указана степень поддержки идеи важности православного вероисповедания для национальной идентичности (см. Куперман А., Сайгал Н. Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе / Алан Куперман, Нейха Сайгал // Исследовательский центр Пью. 2017. С. 14).

тельностью. Для этого, в свою очередь, необходимо хотя бы кратко проследить их исторические трансформации.

Во **втором параграфе первой главы «Христианские (церковные) практики: типы и исторические трансформации»** рассматривается природа церкви, генезис ее форм и особенности церковных практик в условиях постсекулярной культуры.

Очевидно, что в самой природе церкви заложена двойственность, поэтому мы выделяем христианские практики двух типов. Первый тип связан со стремлением к миру «высшему», постоянной апелляцией к Священному Писанию, опыту святых. Он воплощается в малых церковных сообществах, которые поддерживают постоянные практики общения, «служения» и выполняют важную социокультурную задачу серьезного внутреннего, «качественного» изменения личности. Поэтому этот тип практик мы относим к *«интенсивным»*, личностным, понимая под ними *совокупность таких действий, ритуалов, норм, способов коммуникаций, демонстрационных жестов, которые характерны для ценностно-идеального контекста конкретной христианской церкви и ее адептов и направлены на серьезные глубинные изменения в человеке для достижения соответствия его бытия евангельскому учению*. Противоположный тип практик берет начало в «земной» сущности церкви, выраженной в стремлении решить институциональные задачи, подчиниться логике развития крупных организаций. Поэтому второй тип церковности может быть назван *«экстенсивным»*, корпоративным, *характерным для институционального контекста христианской церкви и ее адептов и направленным на успешное существование церкви и ее адептов в конкретных социально-исторических условиях*.

Их соотношение, формы выражения с течением времени менялись. Для описания современного состояния христианских (церковных) практик нами прослеживаются следующие исторические пути их развития: «Византийский», «Римско-католический», «Российский», поскольку христианизация Руси произошла только в X веке и была связана с восприятием уже готовых церковных форм, на тот момент претерпевших уже немало культурно-исторических «модификаций». Понятно, что первые христиане отчетливо являют собой идеал «первого» типа церковности. Но изначально в их существовании проявляется и организационный компонент: наличие иерархии, ориентация на рост численности.

Легитимация христианства в IV веке рассматривается нами как поворотное событие во всей его истории. Приводятся различные факторы, изменившие соотношение типов церковности в пользу бюрократизма, корпоративности. Выделяются положительные и негативные стороны в трансформации каждого из типов. Откуда становится понятным, что развитие церковных практик России, связанное с восприятием культурно-истори-

ческой традиции Византии, имело выраженный экстенсивный характер, хотя в то же время не было лишено и примеров практик интенсивного типа.

В работе высказывается предположение, что сопоставимые по значимости перемены в условиях существования христианских церквей происходят уже только в XX веке, когда теряется прямая юридическая связь с государством. В России церковь при этом даже подвергается гонениям и сталкивается с необходимостью поиска своей идентичности в новых условиях. Опыт фактического выживания в самые сложные для религиозных практик первые десятилетия советской власти являются важным примером реализации потенциала церкви в неблагоприятных условиях, активного развития интенсивных форм церковности.

Сегодня, показывается в работе, церковь по-прежнему опирается на поддержание прежних экстенсивных форм церковности: свою историческую значимость, привычную формальную принадлежность к ней большого числа людей. Однако практики интенсивного типа, что подтверждает исторический путь христианства, никогда не исчезали и возникали в самых разных местах и в самых разных социальных обстоятельствах. Для церкви поддержка и легитимация различных инициатив «снизу» является во многом не реализованным ресурсом для ответа на запросы в личностных практиках.

Поэтому для целостного понимания возможностей российского православия отвечать на постсекулярные духовные вызовы целесообразно подробнее рассмотреть современные способы воплощения именно интенсивного типа христианства. Это ставит перед нами проблему определения соответствия конкретных форм организации христианской жизни целям интенсивных христианских практик.

Одной из самых интересных форм христианских практик интенсивного типа в России, утверждается в работе, является идея «монастыря в миру», где реализуется концепция соборности, известная из догматической формулы церкви и из русской религиозной философии рубежа XIX-XX вв. Эта концепция позволяет анализировать конкретные христианские практики, но из-за размытости понятия соборности, «полифонии» смыслов у разных авторов ее эвристические возможности остаются во многом нереализованными. Эту теоретическую лауну мы попытались заполнить во второй главе.

Во **второй главе** диссертации **«Христианские практики соборности: сущность, критерии, современный опыт»** рассматривается феномен соборности, определяются границы соборности как понятия. На основе патристики, трудов русских мыслителей второй половины XIX — начала XX вв., современных исследователей и богословов определены сущностные черты и приводится определение соборности, выявляются критерии для анализа, как исторических, так и современных христианских практик соборности, а именно основных форм религиозных сообществ в российской православ-

ной культуре: монашества, прихода, братства/сестричества. В фокусе внимания завершающей части работы анализ опыта соборных практик современного общероссийского христианского сообщества – Преображенского содружества малых православных братств.

В первом параграфе второй главы «Соборность: сущность и критерии» рассматривается анализ соборности в трудах философов и богословов.

С одной стороны, соборность глубоко внедрена в догматическое ядро православного учения, святоотеческое наследие, будучи одной из основных характеристик церкви. С другой, само понятие соборности и ассоциированное с ним учение были разработаны российскими религиозными мыслителями, такими как А.С. Хомяков, Д.А. Хомяков, Вл.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и др., только в конце XIX – начале XX вв. К этому вопросу обращались также известные богословы и мыслители XX века — Н. Афанасьев, архим. Киприан (Керн), прот. И. Мейендорф, протопр. А. Шмеман и др. А также современные мыслители, такие как: А.Л. Анисин, В.К. Киреев, С.С. Хоружий, Л.Е. Шапошников и др.

Понятие соборности во многом является расплывчатым, требующим конкретизации. Мы понимаем соборность как особое качество жизни христиан в рамках одной общины, специфика которой разворачивается нами в определении сущностных черт соборности. Принципиально отличающиеся от этого практики совещания руководителей различных церковных единиц (соборы) и централизованного иерархического управления церковной жизнью христиан в рамках выстроенной вертикали власти нами не рассматриваются. Кроме того, мы говорим об этом феномене только в контексте собственно религиозных (православных, прежде всего) практик, не рассматривая имеющее место использование понятия соборности в других значениях.

Исходя из работ упомянутых выше авторов нами выделено *четыре сущностные черты соборности*: 1) антиномия единства и свободы членов сообщества; их 2) тесная жизненная и духовно-нравственная связь; 3) принципиальная ориентация в повседневности на евангельскую максиму; 4) Богочеловеческая природа сообщества.

Из этих характеристик в свою очередь следуют *критерии соборности*, которые распределяются нами на несколько уровней: на *персональном уровне* в качестве критерия, на наш взгляд, выступает способность к «отвержению себя» (примата своего мнения, эгоизма) большинства членов сообщества; на *коммуникативном* – наличие постоянной практики «глубоких» коммуникаций между его членами; на *ценностном* – высокая степень стремления у многих участников воплощать в жизни евангельскую норму; на *энергийном* – явно выраженное стремление участников иметь энергийную «связь» с Богом («стяжать благодать»).

Кроме критериев, следующих непосредственно из сущностных черт соборности, мы определили еще два уровня, которые относятся к харак-

теристике соборного сообщества как определенной формы социальности:

– *уровень управления.* Ему соответствует антиномическая двойственность в управлении сообществом, которая заключается в органичном сочетании демократических и административных способов принятия решений. При этом принятое решение обязательно верифицируется сообществом на соответствие евангельским нормам.

– *историко-контекстуальный уровень,* подразумевающий налаженный «механизм» восприятия исторического наследия православия и христианских традиций.

После выделения конкретных критериев соборности с их помощью мы можем проанализировать конкретные христианские практики соборности, рассмотрев более подробно наиболее репрезентативный, с нашей точки зрения, опыт соборной жизни одного из современных российских христианских сообществ.

Второй параграф второй главы «Феномен соборности в разных формах организации христианских (церковных) практик: исторические трансформации и современное состояние» В параграфе рассмотрен в общих чертах путь и различия рода трансформации культурно-исторического развития, связанные с воплощением соборных принципов каждой формы.

На сегодняшний день самой распространенной из них является приход. Ситуация здесь не однородная: частота и степень участия в религиозных практиках отличаются значительно, как среди прихожан, посещающих один и тот же храм, так и в разных приходах. Несмотря на то, что по своей сущности эта форма организации религиозной жизни предполагает фрагментарный ритм участия в практиках, есть приходы, имеющие более высокую активность (образовательную, досуговую, благотворительную и т.д.). Важную роль играет «фактор настоятеля» (его образованность, коммуникативные, организаторские способности), иницилирующего или поддерживающего те или иные формы деятельности.

В качестве примера эффективной приходской жизни были рассмотрены практики известного московского прихода при храме Космы и Дамиана в Шубине. Отмечается, что большинство прихожан этого храма входят в микрогруппы, регулярно собираются для совместной молитвы, обсуждения Писания и даже личных проблемам. Приводимое в работе частное стороннее восторженно-положительное мнение из «Живого журнала» об этом приходе¹ свидетельствует о нетипичности описанного способа приходской жизни в России.

¹ См. Алексей, «Orthodox_russia». Моя жизнь в храме св. бессребренников Космы и Дамиана [Электронный ресурс] // LiveJournal. 2011. 11 ноября. URL: <https://orthodox-russia.livejournal.com/8021.html>

Действительно, традиционными проблемами приходов постсоветской России являются: отсутствие фиксированного членства, а значит, и стабильного самофинансирования, «размытость» внутренних связей, а зачастую и отчужденность друг от друга посещающих из года в год один и тот же храм, распространенность потребительского восприятия религиозных практик, т.е. явно недостаточное воплощение соборности. Это особенно заметно в сравнении с другими деноминациями, например, протестантскими.

Было бы логичным предположить, что совершенно иная ситуация должна быть с монашеством, берущим свое начало в исторически успешных практиках соборности (таких как, «выверенная» передача традиции, ориентация на энергичное приобщение к Богу и т.д.). Однако и здесь в результате многовековых процессов институционализации и жесткой регламентации уже к XIX в. «исходное содержание», как свидетельствуют источники, осталось в основном во внешних формах. В XX веке в России монастыри, как и приходы, подверглись насильственной секуляризации и с учетом характерной закрытости для длительного наблюдения, общения с подвижниками по проблемным вопросам «внутренней» жизни, пока сложно говорить об их состоянии. Кроме того, возникновение монашества было связано с попыткой преодолеть серьезную проблему номинальной принадлежности к христианству, поиска в принадлежности к общине более спокойного бытия в условиях, когда доля христиан росла все больше, т.е. отчасти было попыткой сохранить подлинные глубокие христианские практики во внешне все более христианском мире. В современной ситуации, когда христианство стало лишь одним из многих способов религиозной идентичности и гораздо реже становится для людей собственно мировоззрением, более востребованы практики, не предполагающие «бегства из мира», а демонстрирующие возможность жить в христианской соборности в современных условиях.

На наш взгляд, в наибольшей степени этому третья форма – братства/сестричества. Как и монашество, она позволяет удовлетворить типичные для современности индивидуальные потребности в принадлежности к общности по типу «семьи», компенсирующей негативные последствия личностных кризисов, вызванных процессами глобализации, атомизации общества, но при этом не предполагает радикального разрыва с социумом.

Нами рассмотрены различные способы классификации братств и примеры современных православных братств: межприходского Спасского братства (Москва), благотворительного Братства святой великомученицы Анастасии Узорешительницы (Санкт-Петербург), братства в честь Успения Пресвятой Богородицы (Екатеринбург). Особый интерес, на наш взгляд, представляет опыт Преображенского общецерковного просветительского братства (Россия и ближнее зарубежье), называемого Преображенским содружеством малых православных братств (далее «Содружество»). Оно не

имеет аналогов внутри российского православия по длительности существования, количеству различных инициатив, широте географического, социального, профессионального охвата, практик сотрудничества с общественностью, церковным сообществом, различными религиозными деноминациями. Опыт Содружества стал предметом рассмотрения заключительной части параграфа.

Основателем Содружества является мирянин Юрий Серафимович Кочетков. Возникновение Содружества связано с практиками катехизации (постепенного «научения» основам веры, молитвы, жизненных поступков согласно Писанию и целостного вхождения в ритмы и смыслы православного богослужения) или оглашения, которые были разработаны и внедрены в практику Ю.С. Кочетковым еще в 1970-е годы¹. На сегодняшний день оно включает в себя около 40 малых братств, которое объединяет несколько тысяч верующих. Оно представлено в разных городах России (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Самара, Екатеринбург, Томск и др.) и частично за рубежом (Рига, Гомель, Кишинев). Поддерживает разностороннюю активность, в первую очередь, просветительского характера, сконцентрированную вокруг собственного, аккредитованного государством Свято-Филаретовского православно-христианского института (далее по тексту – СФИ), а также занимается благотворительной и миссионерской деятельностью. Структурно представляет собою сеть, состоящую из неформальных «малых православных братств», которые насчитывают в среднем 40-60 человек. Каждое малое братство состоит, в свою очередь, из общин, включающих в себя в среднем от 10 до 20 человек. Соборность, как качество христианской жизни, является открыто артикулируемой целью жизни Содружества².

Нами был осуществлен анализ опыта жизни Содружества последовательно, исходя из выявленных критериев соборности. Мы обратились сначала к «внешней», социальной стороне (историко-контекстуальный и управленческий уровни), а затем к внутренней, духовной (энергетический, ценностный, коммуникативный, персональный уровни), поскольку это позволяет соотнести социальный опыт движения с другими практиками соборности, а также поэтапно двигаться «внутрь», к самому трудно-верифицируемому, «персональному» уровню соборного бытия.

Поэтому мы начали с *историко-контекстуального критерия*, выраженного в Содружестве в следующих формах: 1) в прохождении членами

¹ Кочетков Г., свящ. Возможная система оглашения в Русской православной церкви в современных условиях [Электронный ресурс] // Священник Георгий Кочетков: официальный сайт. URL: http://direct.ogkochetkov.ru/fileadmin/Missija_i_katekhizacija/Svjashch_Georgii_Kochetkov_Vozmozhnaja_sistema_oglashenija.pdf.

² См., например: Принципы жизни Преображенского [Электронный ресурс] // Преображенское братство. URL: <https://psmb.ru/o-nas/printsipy-zhizni.html>.

братства длительной катехизации; 2) в организации силами членов братства научно-богословских конференций СФИ, актуализирующих христианскую традицию для современности, в которых участвуют члены братства, приглашаемые ученые, а также светские мыслители (например, «Равнина русская. Опыт духовного сопротивления», январь-февраль 2013г.); 3) в еженедельном чтении и обсуждения текстов Нового Завета, комментариев к ним; 4) в многолетней деятельности, которая осуществляется лично свящ. Георгием Кочетковым (при участии в свое время академика С.С. Аверинцева и других филологов) по созданию современного перевода с церковно-славянского на русский язык основных текстов православного богослужения; 5) в ежегодных выездных встречах участников движения, на которых обсуждается трудности, опыт, задачи совместной христианской жизни в общинах движения.

Уровень управления. Управление и принятие решений осуществляется как коллегиально, так и персонально. Наряду с демократичностью присутствуют и элементы централизованного управления. В Содружестве можно выделить своеобразную вертикаль: центр (духовный попечитель — священник Георгий Кочетков; председатель, в настоящее время, Д.С. Гасак и «совет» Содружества, состоящий из собрания председателей малых братств) — малые братства (председатель и «совет» братства, состоящий из собрания старост общин) — общины (староста и «совет» общины, состоящий из всех её членов). Все вопросы обсуждаются в советах разного уровня, как сверху вниз, так снизу вверх. Каждая община коллегиально один раз в год выбирает главу — старосту, выполняющего роль ведущего и модератора встреч, координатора общей деятельности, принимающего решения от имени общины по оперативным вопросам и связующего звена с малым братством. А выбранные главы, в свою очередь, выбирают на один год представителя малого братства в Содружестве — председателя.

Далее мы рассматриваем жизнь братства с точки зрения критериев духовной составляющей соборности.

Энергичный уровень. Смысл критерия точно выразила одна из членов братства: «Я не могу “успокоиться”. Христианство — это “огонь”. Тепло-хладность — реальная опасность, если не трудиться (аскетически)» (из интервью с членом братства А.В., Екатеринбург, февраль 2017г.¹). Интенции глубокого приобщения к Богу «закладываются» еще во время катехизации. Новые члены братства продолжают поддерживать практики молитвы, чтения Писания, исповеди. К этому добавляются солидарные усилия по договоренности в православные посты: чтение и обсуждение богословских книг, дела милосердия и т.д. Сюда же относится учеба в СФИ, совместная

¹ Здесь и далее мы приводим отрывки из референтных интервью членов Содружества, полученных нами при подготовке исследования.

рефлексия духовных проблем членов общины, выезды на братские встречи-соборы. Есть немалая доля членов братства, кто рассматривает пребывание в нем как своеобразную удобную форму совместного бытия, социализации и не берет на себя особых усилий. Это приводит к напряженности в отношениях с «аскетически» настроенными участниками, недопониманию и является одной из самых сложных внутренних проблем движения.

Содружество, по сути, адаптирует исторический опыт в этой области братств, монастырей, подвижников к условиям жизни современного человека, стараясь избегать упрощения, примитивизации.

Ценностный уровень. В общинах Содружества периодически проходят встречи с изучением, обсуждением смыслов евангельского отрывка и соотнесения с повседневной жизнью. Вот некоторые для примера конкретные максимы из Евангелия и те усилия, которые предпринимаются в Содружестве для их реализации.

«Идите научите все народы». Отметим еще раз предельно продуманные и методически оснащенные практики катехизации. Сюда относятся и регулярные проведения семинаров с примерами жизни по Евангелию. Обучение большинства членов Содружества в СФИ, где в центре — исследования опытов жизни христиан по Писанию.

«Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». Члены движения помогают пожилым людям, тяжелобольным, посещая пансионаты, хосписы. В них проводятся и небольшие концерты с участием детей, обычно на большие христианские праздники, такие как Рождество и Пасха.

Коммуникативный уровень. Возникновение и развитие движения было связано с потребностью многих людей еще в советский период в духовном общении. Базовыми здесь являются горизонтальные коммуникации внутри малых групп. Общение происходит на еженедельных встречах в один из будних дней (дома у одного из ее членов) с совместной молитвой, чтением и обсуждением отрывка из Священного Писания, основных церковных новостей, совместных дел веры и т.д. Коммуникации в общине напоминают семейные встречи, открытые, настроенные на взаимопомощь. *Эти малые группы-общины представляет собой уникальные «лаборатории» совместной христианской жизни, помогающие изменить человеческую сущность, привычки, социальные взгляды.* Однако нередко их становление сопровождается и «естественными» конфликтными ситуациями. Некоторые общины даже распадаются из-за того, что долгое время не удается их разрешить.

По православным праздникам и примерно раз в месяц малое братство устраивает «братские трапезы». Ежегодно проходит недельный «выезд» за город, как раз, нацеленный на «плотное» общение внутри братств.

Персональный уровень. Здесь стоит отметить общий доброжелательный фон, как подчеркивают при опросе члены движения: «*Меня радует общая атмосфера уважения к личности, внимание к теме свободы, достоинства. Знакомясь с работами религиозных мыслителей прошлого, укрепляешься в вере и решимости следовать за Христом*», способствующий настрою на серьезные внутренние перемены. Присутствует ярко-выраженная общая интенция на отказ от эгоцентризма и борьбу человека с «внутренними врагами». Непросто дается принятие не разделяемого мнения большинства и особенно практика послушания опытным членам Содружества. Молодые члены братства даже берут на себя обязательства делать что-то в течение какого-то небольшого срока (несколько месяцев), чтобы научиться аскетическому отказу от своеволия. Есть сложности и с выполнением решений руководителей Содружества и малого братства. Для нивелирования этой проблемы при подготовке каких-то общезначимых решений, типа совместных акций, выездов все желающие члены братства собираются на мозговые штурмы «советы дела»: предварительно молятся, обсуждают вопросы и принимают коллегиальные решения. В любом случае, последнее слово всегда остается за конкретным человеком, через которого как гласит один из основных принципов жизни Содружества «нельзя переступить».

В работе приводятся экстенсивные и интенсивные характеристики Содружества.

Выводы. Феномен соборности находил свое воплощение на протяжении всей христианской истории. Его сущностные черты и критерии позволяют анализировать основные формы организации христианской жизни – приход, монастырь, братства/сестричества. На наш взгляд, можно утверждать, что у традиционных религиозных систем, в частности, у российского православия есть необходимые ресурсы для ответа на различные запросы общества, в том числе, на постсекулярные личностные поиски веры, связанные с идеей соборности. Наиболее релевантным таким запросам на сегодня является форма православных братств (что, конечно, не отменяет возможности дальнейшего развития приходской системы и монашества). Недаром С.С. Хоружий утверждает, что «переход в постсекулярную формацию предстанет источником новых практик соборности»¹. И рассмотренный нами опыт Православного Содружества малых братств свидетельствуют о принципиальной возможности воплощения соборности при постсекулярных социокультурных тенденциях. При этом таким способом организации христианских практик, как братства еще предстоит обрести прочные позиции в российской православной культуре.

¹ Хоружий С.С. Идея соборности: ее православно-славянофильские истоки и ее перспективы в современном постсекулярном мире [Электронный ресурс] // Там же.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, приводятся основные положения, выносимые на защиту, намечаются перспективы обсуждения и пути разрешения поставленных вопросов.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ АВТОРА:

Публикации в журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Кныш Е. В. Соборность как феномен православной культуры: актуальность, критерии, практики / Е. В. Кныш // Культура и цивилизация. – 2017. – Том 7. – №2А. – С. 382-400 (2,38 п.л.).

2. Кныш Е. В. Практики соборности в современной российской православной культуре (на материале Преображенского содружества малых православных братств) / Е. В. Кныш // Общество: философия, история, культура. – 2017. – №6. – С. 104-108 (0,94 п.л.).

3. Кныш Е. В., Брандт Г. А. «Забытое старое»: российское православие в условиях постсекулярной культуры / Е. В. Кныш, Г. А. Брандт // Ярославский педагогический вестник: научный журнал. – 2017. – № 6. – С. 345-350 (0,66 п.л.).

Статья в журнале, включенном в перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, рекомендованных ВАК по состоянию на 01.09.2016 г. (база AGRIS):

4. Кныш Е. В. Христианские практики в постсекулярную эпоху: новые вызовы / Е. В. Кныш // Успехи современной науки. – 2016. – Т. 9. – №11. – С. 150-157 (1,31 п.л.).

Статьи и материалы, опубликованные в других изданиях:

5. Кныш Е. В. Понятия секулярной и постсекулярной культуры: исторические трансформации / Е. В. Кныш // Вестник Гуманитарного университета. – 2015. – №1(8). – С. 66-72 (0,88 п.л.).

6. Кныш Е. В. Постсекулярная культура: становление понятия / Е. В. Кныш // Университет XXI века: старые парадигмы и современные вызовы: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного Университета, 7-8 апреля 2015 года: доклады. – С. 82-87 (0,5 п.л.).

7. Кныш Е. В. Постсекулярная культура: к вопросу о правомерности использования понятия в современном гуманитарном знании / Е. В. Кныш // Новые голоса в науке: идеи и проекты – 2015 : сборник материалов X конкурса научно-практических работ студентов и аспирантов. – 2015. – С. 169-174 (0,38 п.л.).

8. Кныш Е. В. Понятие «постсекулярности» в современном социально-философском дискурсе / Е. В. Кныш // Личность и общество в современном социально-философском дискурсе: материалы научно-практической конференции с международным участием, 23 января 2016 года. – Екатеринбург: УрФУ, 2016. – С. 223-228 (0,38 п.л.).

9. Кныш Е. В. Понятие постсекулярной культуры: к вопросу о правомерности использования / Е. В. Кныш // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. – №4 (16). – С. 3-11 (0,94 п.л.).

10. Кныш Е. В. Религиозные ценности в устойчивом развитии российского общества: место европейского постсекулярного опыта / Е. В. Кныш // Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии: материалы XIX Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета, 12–13 апреля 2016 года: доклады: в 2 т. – Т. 1. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. – С. 124-127 (0,31 п.л.).

11. Кныш Е. В. Церковь в современной культуре: причины обращения к первохристианскому опыту / Е. В. Кныш // Новые голоса в науке: идеи и проекты 2016: сборник материалов XI Межвузовского конкурса научно-практических работ студентов, магистрантов, аспирантов. – 2016. – С. 53-58 (0,44 п.л.).

12. Кныш Е. В. Российская церковь в современной культуре: между архаизацией и модернизацией / Е. В. Кныш // Россия между модернизацией и архаизацией: 1917–2017 гг.: материалы XX Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета, 11–12 апреля 2017 года: доклады: в 2 т. – Т. 1. – 2017. – С. 99-102 (0,31 п.л.).

13. Кныш Е. В. К вопросу о воплощении соборности в современной православной культуре (опыт одного из «мирянских» движений) / Е. В. Кныш // Новые голоса в науке: идеи и проекты – 2017: сборник материалов XII Межвузовского конкурса научно-практических работ студентов, магистрантов, аспирантов. – 2017. – С. 76-81 (0,5 п.л.)

Подписано в печать 10.12.2018. Тираж 120 экз.
Объем 1,0 уч.-изд. л. Формат 60×84/16. Заказ 999.

Издательство Тюменского государственного университета
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10.
Тел./факс (3452) 59-74-81, 59-74-68
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru